

Путешествие до дома Касимы требовало поездки как на поезде, так и на автобусе.

Желтый поезд доезжал от Станции Такаданобаба Линии Яманотэ и до Станции Танаси Линии Сейбу примерно за полчаса.

С уходящими рассветными сумерками Касима прошел через южный вход бело-стенной станции, залитой светом утреннего солнца.

Доехав на автобусе до Мукоудаи Парка и сойдя рядом с Рекой Сякудзи, он оказался почти дома.

Одноэтажное здание, стоящее в слегка прохладном воздухе рядом с Рекой Сякудзи, и небольшие заросли за ним были обителью Касимы.

— Полагаю, я отправлюсь в UCAT после того, как немного посплю.

Он стоял перед домом с красной крышей, окруженным металлическим забором.

За ним на небольшом дворике виднелась ярусная площадка для цветов.

Касима добрался до входной двери, остановился, и вздохнул. Он глянул вниз и поправил воротник.

И неожиданно мужчина увидел движение прямо перед ним.

Дверь негромко скрипнула и открылась.

На входе, тускнеющем на фоне улицы, появилась женщина.

Первым, что заметил Касима, были цвета.

Он увидел черноту ее коротких волос, белизну рубашки, черноту ее джинсов, и белизну кожи.

Ее небольшие темные глаза взирали на него и улыбались в сочетании с губами.

— Ты слышала мои шаги?.. У тебя со времен университета прекрасный послужной список в определении людей по их шагам, правда?

Когда он ее увидел, на лице Касимы сама собой возникла улыбка.

— Я дома, Нацу-сан, — произнес он, кивая.

— С возвращением, Акио-сан.

Женщина, Нацу, отступила назад и поприветствовала главу семейства.

— Ночная смена, должно быть, утомительна. Ты и сегодня уйдешь?

— Сначала поем, немного посплю, но затем мне придется идти. Я ужасный муж.

— Ты поправишься, — сказала Нацу, закрывая глаза в слабой улыбке.

Она слегка хихикнула своим носом. Этот смех служил доказательством ее хорошего настроения, и Касима, сочтя его достаточно забавным, слегка улыбнулся.

Когда он вошел в дом, то по привычке вздохнул.

— Родной дом все же самое приятное место. ...Нацу-сан, где Харуми?

— Спит. Если хочешь ее увидеть, то только после ванной. Вода готова, но, может, ты сначала поешь?

— Да, сначала поем. ...Мне следует переодеться?

— Это не твое рабочее место, — решительно заявила Нацу, не теряя улыбки. — Благодаря твоей работе у нас такой прекрасный дом, но тем более желательно отрешиться от нее, пока ты тут. ...Я уверена, Хару-тян скажет то же самое.

— Ты знаешь, я не могу перечить, если ты привлечешь к этому Харуми.

Касима признал поражение, и решил сменить свою рабочую одежду. Он согласился переодеться в спортивный костюм, или что-то вроде того.

— Твой спортивный костюм рядом с комодом. Подожди секундочку. Я грею мисо суп.

Не забыв сказать спасибо, Касима открыл раздвижную дверь с матовым стеклом, ведущую от прихожей в гостиную.

Большое окно слева с видом на дворик было распахнуто и яркий свет, заливший комнату, словно пробуждал его к жизни.

Посреди этого света расположился низкий стол.

Справа стоял комод, а у левой стены между окном и раздвижной дверью в спальню находился книжный шкаф.

Телевизор слева от входа показывал новости.

В программе обсуждали технологии.

Касиме показалось, что подобные новости в последнее время зачастили.

Все недавние технологические прорывы могли быть побочным эффектом активности положительных концептов различных Гиров, чтобы затем противостоять отрицательным концептам.

— Но реальность, по-прежнему, не столь богата.

С горькой улыбкой на лице Касима начал переодеваться.

Он услышал голос Нацу с кухни.

— Кстати говоря, твои родители прислали немного пекинской капусты.

— Тогда нам нужно покончить с тем, что в тарелке, уже сегодня.

— Не волнуйся, я её замариную. Я уже покрошила немного в мисо суп. Временным рабочим, похоже, очень полюбились наши маринованные овощи. Они называют их супер смак и чертовский смак... В наши дни такой чудаковатый сленг.

Касима услышал из кухни вздох.

— Но мне всегда неловко получать от них овощи и не давать ничего взамен.

— Да, но моим родителям просто нравится это делать. Ты им очень понравилась, Нацу-сан. Только ради меня они бы никогда ничего не присылали.

— Ты говоришь так серьёзно, что я не стану отрицать. Но овощи в наше время дорогие. ...Тебе не думаешь, что они просто пытаются быть со мной тактичными? Мои родители до сих пор...

— Я говорю, они делают это, потому что им хочется, Нацу-сан.

— Ладно. Но я благодарна. О, и я благодарна за этот нож, которым пользуюсь, тоже.

— Нож?

Когда Нацу-сан ответила, в ее голосе проявилось слабое смущение:

— Да, э, ну нож, которым я пользуюсь. Лезвие, сделанное твоим отцом, кажется каким-то особенным.

— Ну, мой отец слеплен из другого теста, чем большинство людей. Моя мама, кстати, тоже.

— Я и не спорю, но... ну, я не об этом хотела сказать. Я могу пользоваться им, не опасаясь порезаться. С тех пор, как твой отец подарил мне этот нож на свадьбу, я ни разу не поранилась вообще никаким лезвием. Даже когда я пользовалась иголкой, или чем-то еще. ...Будто этот нож вроде защитного талисмана.

Его изменил человек с именем оружейного бога Касимы, и к нему добавили философский камень, поэтому ничего удивительного.

Клинок, измененный руками бога станет талисманом и его владелец не получит порезов от меньших клинков.

Однако Нацу ничего не знала о 2-м Гире, поэтому Касима просто притворился дурачком.

— Акио-сан, твоей семье действительно подходит имя небесного бога Касимы, не правда ли?

— Моему отцу бы понравилось, что ты сравнила его с богом.

— Но когда я посещала дом твоих родителей, там не нашлось никакой связи с небесным богом. ...Я исследовала великий меч небесного бога Касимы в университете, потому сразу же загорелась, когда узнала, что твой отец затачивает клинки.

Касима услышал вздох, сопровождаемый репликой, которую слышал уже много раз:

— Это совсем не то, что моя девичья фамилия.

— Мне кажется, Такаги замечательная фамилия. Она означает, что ты можешь достичь небес[□]Такаги буквально переводится как «высокое дерево»..

Нацу ничего не ответила.

...Мне не следовало этого говорить?

Подумав об этом, Касима глянул на книжный шкаф, стоящий перед ним.

На верхней полке была наклейка с надписью «Нацу». Там содержались исследования по японской мифологии, что остались с её университетских дней.

Касима заметил среди них название, навевающее ностальгию.

...Я был студентом инженерного факультета, но посещал семинар по исследованиям древних цивилизаций, дабы узнать что-нибудь о 2-м Гире.

Он написал доклад, на основе той самой книги на полке.

— И там я повстречался с Нацу-сан, — сказал он так тихо, чтобы никто не мог услышать. — Я довольно счастлив сейчас.

Он оглянулся, чтобы проверить, не ушла Нацу ли с кухни, затем забрал книгу из полки.

К задней стенке прижались две тонкие книги.

То были книжки с иллюстрациями.

Этот изношенный антиквариат рассказывал легенду о Сусаноо[?]Сусаноо или Такэхая Сусаноо-но Микото (яп. 素戔嗚尊 суса но о но микото, «доблестный быстрый ярый бог-муж из Суса») — бог ветра, в японской мифологии последний из божеств, появившийся из капель воды, которыми первый на свете бог-мужчина Идзанаги омыл свой нос после того, как вернулся из ёми-но куни (страны мертвых). Подробнее на Википедии. Имя автора было...

— Такаги Масамичи.

...Признает ли она когда-нибудь это имя?

Касима закончил переодеваться, раздвинул шторы, и сел на пол.

Он услышал лязг керамической посуды, исходящий из кухни.

— Тебя опять сегодня сопровождал Ацута-сан?

— Он в последнее время начал возвращаться домой на поезде. У него осталось совсем мало очков на правах. Вообще, он говорил, что осталось всего одно.

— Ясно. ...Может, я лезу не в свое дело, но Ацута-сан собирается когда-нибудь жениться? В последнее время он не приходил в гости.

— Он питает чувства к одному человеку. Вроде как, она была его одноклассницей в школе, а сейчас работает президентом охранной фирмы. И по его словам он в последнее время не появляется из-за того, что он не любит младенцев.

— Как по-детски с его стороны.

— Мне кажется, он не достиг и уровня ребенка. Или человека, раз уж на то пошло.

— Тебе не следует говорить так о своем друге.

— Это не отменяет того, что он на уровне обезьяны...

— П-правда?

С взволнованным заявлением, Нацу вошла в комнату.

На широком подносе в руках Нацу стояли две чашки чая, две миски мисо супа, и два рисовых блюда.

И в глубокой тарелке находилось...

— Это не ролл капусты, но я набила немного напы фаршем, оставшимся со вчерашней ночи. Ты сможешь взять ее палочками без проблем.

Касима увидел горячий суп с двумя длинными и немного бледно-зелеными пучками внутри.

— Ты ничего не ела с утра?

— Я знала, что ты вернешься, Акио-сан. И я уже покормила Хару-тян молоком, так что не переживай.

Глаза Нацу прищурились в небольшой улыбке, и она присела рядом с ним.

— Или ты хотел бы на это посмотреть?

— Хотел бы, — ответил Касима, и Нацу слегка смутилась.

Воздух наполнила суевливая атмосфера.

В то же время, новости в телевизоре дошли до прогноза погоды.

Согласно погодной карте, этим вечером обещали...

— Дождь? Но на улице сейчас так солнечно.

— Я вернусь пораньше. Я не могу оставить тебя одну в дождливую ночь.

Касима повернулся к Нацу, и обнаружил, что с ее лица пропала улыбка.

Ее руки оставались неподвижны, и она уставилась на погодную карту, обещающую дождь.

Женщина не шевелилась.

Касима молча убрав сетчатую скатерть со стола.

Слабое колебание воздуха и белизна покрывала заставила Нацу слегка содрогнуться.

— П-прости.

Она быстро открыла крышку небольшого блюда и приготовила небольшую тарелку.

Ее выражение лица пришло в норму.

— Я в порядке. Если с зонтиком, я могу даже выходить гулять. Как бы там ни было, давай завтракать.

Погодная карта на экране телевизора сменилась деревенскими пейзажами.

Он показывал рисовые поля в горах. Они готовились к посадке раннего риса.

Едва лишь Нацу это увидела, как с облегчением вздохнула. Она подхватила рисовое блюдо и заговорила:

— Они так рано сажают рис в эти дни. Твои родители тоже скоро должны приступить.

— С меня хватило помощи им в прошлом году.

Слабо улыбнувшись, Нацу протянула ему рисовое блюдо.

— Спасибо, — сказал Касима, потянувшись за ним.

В блюде находился рис из фермы Окутамы семьи Касима. И...

— Но мне бы хотелось иметь рис, который мы сами помогали сажать. Если возможно, я бы хотела поехать к ним и в этом году.

Пока она говорила, Касима дотронулся до руки, держащей миску.

На левой руке Нацу кое-чего недоставало.

Там не хватало мизинца и безымянного пальца.

С приближением дня в Академии Такаакита началась четвертая пара.

Несмотря на то, что уроки шли своим ходом, было время для подготовки к весеннему школьному фестивалю, известному как Фестиваль Всеобщего Отдыха.

По всей школе сновали работающие ученики, освобожденные от занятий.

От дороги до спортивных площадок, от общежитий до столовой, и даже на асфальтированных и каменных дорогах, члены различных групп носились туда-сюда, переноса материалы или компоненты.

Сверху за всеми ими наблюдало несколько человек.

Они находились на лестнице второго этажа общего корпуса 2-го года обучения.

На балконе сидели Изумо, снявший пиджак и выставивший напоказ свое хорошо сложенное тело сквозь рубашку, и Казами, которая разворачивала домашнее трехслойное бенто на скатерти.

И еще одна девушка сидела напротив них.

Эта платиновая блондинка носила зимнюю форму под весенним солнцем.

Казами назвала имя девушки, на плече которой сидела маленькая птичка, а у ног которой стоял черный кот.

— Брюнхильд, у тебя есть заявка от клуба изобразительного искусства?

Брюнхильд протянула ей лист бумаги.

Это был бланк для ларька клуба изобразительного искусства на фестиваль.

Казами подобрала папку с кучей бумаги внутри, и сравнила листок Брюнхильд с образцом.

Она проверила, убедившись, что все заполнено правильно, и что печать поставлена.

— Бланк выглядит правильно, но что это за название? Курица-гриль Авангардного Искусства «Кадмий 2005»? Оно что, токсично?

— Мы проголосовали и выбрали это. Она изумительна.

— Изумительна?

— Да.

— В каком смысле?..

— Ну, приправа зеленая, вроде этой, и она определенно валит наповал.

— Эй, Чисато. Если продолжишь допытываться, мы станем сообщниками преступления.

Казами чуть не упала вперед, но тут же выпрямилась, и Брюнхильд горько улыбнулась.

— Младшеклассники сказали, что если вы зайдете, они устроят для вас банкет.

— Это совсем необязательно. ...Но Брюнхильд, разве тебе не болезненно подавать курицу гриль, когда ты растишь птичку?

— Да, но все решило голосование. Для меня, как главы клуба, это, может, и проблематично, но я решила держаться подальше от покупки продовольствия и готовки пищи. Я возьму на себя только финансы.

— Это может доставить хлопот. ...Но куры гриль обычно дико хорошо продаются, поэтому я надеюсь на ваш успех.

— А ты немало об этом знаешь.

— Мой отец любит такие вещи. У него всегда есть прилавки на фестивалях местного самоуправления. Он продает их по 50 йен за штуку, тогда как покупает всего за 20. Он зарабатывает около 30 000 йен в день, поэтому берется за это со всей серьёзностью, жаря и жаря, практически, как обезьяна.

— Вот как. Что за человек твой отец, Казами? Он и сам похож на обезьяну?

— С ним было бы проще иметь дело, если б так.

— Что за раздраженный вздох?

— Ну, моя мама была идиолом эпохи Сёва и очень красиво пела, но совсем не продавалась из-за ужасной организации бизнес вопросов. Мой отец знал ее со школы и некоторое время работал ее менеджером, — Казами горько улыбнулась. — Но на деле я ни разу не слышала пение своей мамы. Это ее смущает, потому она прячет все фотографии с тех времен, и переключает канал, едва на экране появляется программа про старые песни.

— Почему бы тебе не глянуть их, когда ты у меня дома? Ты и сама вечно переключаешь канал.

— Не могу же я просто взять и посмотреть то, что она пытается скрыть.

— Вот оно как, — сказал Изумо, кивнув.

— Понимаю, — произнесла Брюнхильд, опустив голову.

Казами закинула бланк Брюнхильд в папку и сменила тему.

— Между тем, как идут дела у 1-м Гира?

— Резервацию собираются расширять.

— Правда? Они наконец-то определились?

— Это всё еще внутренняя информация, но, похоже, было выбрано место в немецком USAT, дабы нас принять. Европейские USAT возьмут на себя часть расходов на содержание, при условии, что мы поделимся с ними нашими техниками. Они принимают лишь членов второго поколения и далее, но и это немало.

— Ясно. Немецкий лес будет отличным жилищем для 1-го Гира.

— К сожалению, я член первого поколения, потому не смогу отправиться туда, даже если натурализована.

— Ой, извини. ...Слова вылетели сами собой.

— Ничего. Как только положительные концепты высвободят для запечатывания отрицательных, концепты 1-го Гира постепенно распространятся в этом Гире. И едва это случится, мы станем свободны от мелких резерваций. — Она слегка улыбнулась.

— Разумеется, нам по-прежнему придется жить в местах, где обычные люди этого Гира нас не обнаружат.

Последнее заявление Брюнхильд заставило Казами замереть на месте.

На них обрушилась тишина.

Казами пыталась подыскать слова, но не нашла ничего подходящего.

Тем временем, что-то легко стукнуло ее по бедру.

Это был черный кот Брюнхильд.

Он мяукнул, наклонил голову, глянул на нее, и она улыбнулась в ответ.

— Это твое безмолвное проявление внимания? — спросила она.

Кот прищурил глаза и начал взбираться к ней на колени.

Однако, Брюнхильд молча его остановила.

Она схватила кота за хвост и потянула прочь.

— Тебе не нужно меня жалеть, Казами.

— Эм, нет. Я и не собиралась. Это просто кот...

— Забудь про кота. ...Как бы то ни было, это просто мысли вслух. — Брюнхильд подняла кота вверх за хвост и слегка улыбнулась. — Позволь мне сказать следующее: мы считаем, что наше положение улучшилось. Мне бы хотелось, чтобы ты запомнила хотя бы это.

— Фасольт старается изо всех сил, потому что тоже так думает, да?

— Да, но, похоже, в последнее время у него испортились отношения с Фафнером.

— Серьёзно?

— Да, — сказала Брюнхильд, кивая. Ее тон приобрел задумчивость. — Бои полудраконов — то еще зрелище. Их броня очень крепка, так что обычные атаки не наносят никакого урона.

— Э...Брюнхильд? Я думала это просто размолвка между отцом и сыном. Почему ты говоришь о «получении урона»?

— О? А разве это не обычное дело?

— Чисато, мне кажется 1-й Гир тебе отлично подойдет.

— Что ты хотел этим сказать?! Получи! И еще! И еще!

— Да, Казами. Мне кажется, это в порядке вещей.

— А мне так не кажется. Ай-ай-ай. Моя рука не должна так сгибаться!

Услышав вопль Изумо, Брюнхильд горько улыбнулась.

Птичка сидела на её плече, и у нее в руке вверх тормашками болтался кот.

Как только она встала, прозвенел звонок, указывающий на конец четвертой пары.

— Обеденный перерыв... После остановки в библиотеке, я пойду помогу с постройкой прилавка.

— Все члены твоего клуба получили освобождения от занятий?

— Да, но вам следует усложнить процедуру их создания. Сейчас их невероятно просто подделать.

— Э-это специальное право, данное тем, кто достаточно сообразителен, чтобы такое повернуть, — сказал Изумо, застрявший в захвате двух рук.

Брюнхильд выдала небольшой смешок, и добралась до запасной двери рядом с ними.

— Я надеюсь, что вы сохраните такое же спокойствие и в следующем Пути Левиафана, — сказала она.

В тот же миг через дверь, которую она открыла, вошел парень.

Это Саяма.

Он взмахнул левой рукой, пригладив волосы назад, и произнес:

— Хм. Какое неожиданное сочетание.

— Ты один? Синдзё Сецу не с тобой?

Саяма вздохнул и начал говорить увещательным тоном:

— Он не всегда со мной. Я ему сказал, что у меня дела в школьном совете, поэтому он отправился в столовую, говоря, что купит обед и для меня. Я весьма благодарен.

При этих словах у него за спиной появилась еще одна фигура.

— Приветик! Как у всех дела?

То была Ооки, и на ее лице сияла улыбка.

— Ой, а все уже тут? Если б только все успели прихватить обед, — она кивнула. — Как насчет того, чтобы обсудить следующий Путь Левиафана? Саяма-кун, ты здесь потому, что решил, каким Гиром мы займемся следующим, да?